

Б. Г. ГАФУРОВ

ТАДЖИКИ

ДРЕВНЕЙШАЯ, ДРЕВНЯЯ
И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

Издание второе

ДУШАНБЕ
«ИРФОН»
1989

Кидариты

Основные сведения о кидаритах содержатся в следующих сообщениях источников. В хронике Бэй-ши сообщается, что правитель юэчжей из-за нападений жужаней перенес свой двор в город Боло. «После сего храбрый юэчжийский государь Цидоло перешел со своими войсками через большие горы, напал на Северную Индию и покорил пять государств, лежащих от Гантоло к северу». Далее хроника сообщает о событиях 424 г. Из другого сообщения Бэй-ши явствует, что Цидоло управлял и областью малых юэчжей, но затем, «изгнанный хуннами, ушел на запад», а управление поручил своему сыну⁴.

Имеется несколько групп монет с надписью на брахми «Кидара Кушана ша». Судя по шрифту надписей, их выпуск производился где-то на юге, за Гиндукушем, по нумизматическим данным, в пределах 390—430 гг. Анализ монет приводит А. Бивара к заключению, что монеты с такой легендой последовательно чеканили по крайней мере два правителя⁵. Как доказывает К. Еноки, кидариты объединили под своей властью Тохаристан и Гандхару где-то между 412—437 гг.⁶

Кидаритская монета.

В западных источниках (Приск Панийский) сообщается о борьбе «ГУННОВ, называемых кидаритами», с сасанидским Ираном в 456 и последующих годах. Под 456 г. Приск Панийский (19) сообщает, что «парфский» (т. е. сасанидский) царь вел войну с гуннами-кидаритами. Тот же источник под 464 г. пишет, что сасанидское правительство утверждало: «Римляне (Византия.— Б. Г.) были обязаны помогать персам деньгами в войне против так называемых уннов-кидаритов, что если персы одержат победу, то римляне будут иметь ту выгоду, что уннам (кидаритами не будет позволено переходить в римские владения» (Приск Панийский, 25).

⁴ Бичурин, II, стр. 264—266.

⁵ Ghirshman R., 1948, p. 78—79; Bivar A. D. H., 1956, p. 26—27; Луко-нин В. Г., 1967, стр. 32—33.

⁶ Enoki K., 1959, p. П.

Ясно, что Цидоло (древнее звучание *ki^wo-ta-la*)⁷ китайских источников и Кидара монетных надписей передают одно и то же имя. Все же остальное не может быть пока уверенно истолковано. Мы можем, если верить китайскому источнику, полагать, что кидариты были родственны кушанам или даже составляли их часть, однако это не подкрепляется другими источниками. Вопрос о соотношении кидаритов, ушедших в Индию, и тех, что, по Приску, воевали с Сасанидами, совершенно неясен. Выдвинуто несколько остроумных гипотез, в частности о тесной связи кидаритов и хионитов, в силу чего последние, будучи номинальными подданными кидаритских царей, назывались поэтому «кидаритами»⁸. Есть данные, что еще в 477 г. кидариты из района Гандхары посылали посольство в Китай⁹.

Хиониты

В 346/47 г. сасанидский шах Шапур II был на восточной границе своего государства, так как оттуда, по Аммиану Марцеллину (16, 9, 4), угрожали «хиониты и евсены», собственно «еусены». Считая опиской первую букву, И. Маркварт¹⁰ предложил читать последнее имя «кусени» — кушаны. Если признать это исправление (многие исследователи считают его возможным), то хиониты выступают вместе, а может быть, и совместно с кушанами (кидаритами?). Далее (17, 5, 1) Аммиан Марцеллин рассказывает, что Шапуру удалось заключить союзный договор с «отдаленнейшими народами» — «хионитами и геланами».

В 359 г. в силу союзнических обязанностей хиониты принимают участие в сражении войск Шапура II у сирийского города Амиды. Предводительствовал хионитами Грумбат, «новый царь хионитов, человек средних лет, уже покрытый морщинами, правитель выдающегося ума и прославленный множеством побед. Вместе с ним был его сын, красивый юноша, который пал в бою» (Аммиан Марцеллин, 18, 6, 20; 19, 1, 7—11).

В конце 60-х — середине 70-х годов Шапур II дважды воевал с «кушанами», столицы которых была в Балхе. События этих войн описаны армянским историком Фавстом Бузандом. Первую войну начал «царь кушан». Шапур II лично возглавлял сасанидское войско, но это не помогло персам. «Кушанские войска разбили персидские войска, многих из персидских войск пе-

⁷ *Pelliot P.*, 1934, p. 43.

⁸ *Мандельштам А. М.*, 1958.

⁹ *Enoki K.*, 1959, p. 27. По его мнению, в Гандхаре кидариты были разгромлены эфталитами между 477—520 гг. (*Enoki K.*, 1955 б, p. 236; 1958, p. 1).

¹⁰ *Marquart J.*, 1901, S. 36.

ребили, многих забрали в плен, а остальных изгнали, обратили в бегство», — повествует армянский историк. Вторая война, в которой Шапур II собирался взять реванш, кончилась столь же печально для персов¹¹.

Разумеется, здесь под названием «кушаны» фигурирует какое-то другое этническое образование — кидариты, хиониты или, возможно, те и другие совместно.

В надписи Самадрагупты на Аллахабадской колонне перечислены «дайвапутра-шахи-шаханушахи-шака-марунда» и жители островов, подобных Цейлону, которые излагают предложения о вассальной зависимости от Самадрагупты, дарят ему дочерей в жены и ходатайствуют о царской грамоте на управление своей собственной территорией, признавая сюзеренную власть Самадрагупты. Приведенный выше в кавычках титул исследователи этой надписи толкуют по-разному, разбивая на несколько частей (каждый исследователь по-своему). Кажется привлекательной трактовка, который придерживается индийский ученый Будха Пракаш. Он выделяет как единый термин «дайвапутра-шахи-шаханушахи» и считает, что им был обозначен какой-то из выдающихся кушанских правителей середины IV в. (к этому времени и относится надпись на колонне). Не лишена интереса точка зрения другого историка — А. С. Алтекара, что в аллахабадской надписи имелся в виду Кидара¹². Здесь обращает внимание переключка между сообщением Фавста Бузанда, который говорит о «великом царе кушанов»¹³, и титулом в индийской надписи, где речь идет о небесном «царе царей». Но включение в круг источников и этой надписи отнюдь не проясняет всю ситуацию, в частности взаимоотношения между кидаритами и хионитами.

Но, может быть, следует обратиться к китайским источникам? До последнего времени считалось, что они не содержат сведений о хионитах. Однако сейчас японский ученый К. Еноки доказывает, что сообщение китайской хроники о завоевании «хуннами» Судэ и о том, что они, «убив владетеля судэского, овладели землями его» (причем владетель Хуни составлял уже четвертое колено после этого), относится к Согду, а под именем «хуннов» выступают на самом деле хиониты¹⁴. Однако все, что можно извлечь из этого сообщения, ограничивается констатацией, что Согд на каком-то этапе был покорен хионитами, а хронологические расчеты (сообщение относится к 437 г.) пока-

¹¹ Тревер К. В., 1954, стр. 133—134.

¹² *Buddha Prakash*, 1957; 1954, p. 135. Напротив, Д. Аллан полагает, что речь идет о представителях различных «сакских и кушанских народов», область которых простиралась от границ Индии до Амударьи (*Allan /.*, 1914, p. XX—XXVIII).

¹³ Тревер К. В., 1954, стр. 134.

¹⁴ Бичурин, II, стр. 260 Еноки К., 1955 а; 1959, p. 24—25.

зывают, что они, быть может, завоевали Согд до своего появления на юге Средней Азии, т. е. прошли через Согд.

Необходимо отметить, что если в источниках хиониты смешиваются с кидаритами, то не менее сложно провести грань между сообщениями о хионитах и эфталитах. Это относится к событиям первой половины и середины V в. Вскоре после восшествия на сасанидский престол Варахрана V Бахрам Гур (420—437 гг.) в Хорасан, как сообщают арабские авторы Табари и Динавери, вторгся каган «тюрок» и начал грабить страну. Сделав вид, что он ушел в Азербайджан, Бахрам Гур, соблюдая все меры предосторожности, скрытно подошел к ничего не подозревавшим «тюнкам», разбившим свой лагерь в районе Мерва. Затем воины подняли страшный шум, и «тюрки» бежали. Бахрам Гур убил кагана «тюрок», захватил его жену, преследовал «тюрок» до Амударьи, в районе Амуля переправился через реку и, «когда он приблизился к ним, тюрки изъявили ему покорность и попросили его, чтобы он установил определенную границу между ним и ими, которую они обязались бы не переступать. Бахрам в качестве границы избрал место, глубоко вдающееся в их страну, приказал построить там башню и ее назначил границей», — так повествует Динавери.

Табари сообщает, что граница была установлена между тюрками и областями, граничившими со «страной тюрок». Он также добавляет подробности о захваченной Бахрам Гуром добыче. Более существенно, что он назначил наместника Хорасана с резиденцией в Балхе¹⁵. Следовательно, несмотря на победу, положение на восточной границе требовало постоянного контроля. Вероятно, к этому же эпизоду следует отнести сообщение Фирдоуси, что после поражения «тюрок» знать Чаганиана, Хутталяна, Балха и Бухары вынуждена была выплачивать Ирану дань.

О каких «тюнках» идет речь? Несомненно, само название является явным анахронизмом. И. Маркварт обратил внимание на два обстоятельства. Во-первых, в одном пехлевийском сочинении («Ядгар Зареран») рассказывается о сражениях царя Ирана Виштаспы с царем хионитов Арджаспом, причем, очевидно, в степях, в области Мерва. После победы Виштаспа возвращается в Балх. Все это очень близко напоминает основные события войны Бахрам Гура. Во-вторых, наместник Хорасана получает титул «марзбан-и кушан», т. е. «хранитель границы с кушанами»¹⁶. Отсюда И. Маркварт делает вполне убедитель-

¹⁵ Nöldeke Th., 1879, S. 98—102; Шмидт А. Э., 1958, стр. 445—446, 474—475.

¹⁶ Nöldeke Th., 1879, S. 101—102.

ный вывод, что Бахрам Гур вел на самом деле войну с хионитами¹⁷.

Почему же наместник Балха носил титул «марзбан-и кушан»? Здесь возможны два объяснения. Во-первых, согласно Табари, Бахрам Гур собирался присоединить часть территории Индии, где существовали какие-то кушанские владения, и такой титул мог быть своеобразной политической манифестацией. Но возможно и другое: в Иране считали (или знали), что существует какая-то связь между вновь появившимися хионитами и давно известными кушанами. Последнее предположение как будто подкрепляется и следующим обстоятельством. При Йездигерде II (438—457 гг.) продолжались войны с северными кочевниками. Участник и современник этой войны, армянский историк Егише Вардапет сообщает, что сасанидский царь «внезапно напал на земли хонов, которые называются также кушанами, и воевал с ними два года, но не смог подчинить их»¹⁸. Таким образом, два совершенно независимых источника в связи с хионитами говорят о кушанах. Это подтверждает мнение о том, что хионитов нельзя отрывать от кушан.

Йездигерд II вынужден был даже перенести свою резиденцию на северную границу. Напряженное положение там сохранялось более десятилетия. Как сообщает тот же армянский историк Егише Вардапет, в 450 г. «Йездигерд собрал много войска и, выступив, достиг земли эфталитов. Царь кушанов, видя это, не решился принять бой. Он бежал с войском в самые крепкие (недоступные) части пустыни». После этого Йездигерд II опустошил страну кушан, захватил много замков и городов, пленных и добычу. Мы не можем согласиться с К. В. Тревер, которая, обратив внимание на появление в этом тексте выражения «земля эфталитов», делает вывод, что эфталиты в эти годы «видимо еще не властвовали над кушанами»¹⁹. Нам, напротив, представляется, что этот текст свидетельствует о том, что гегемония над хионитами уже перешла к эфталитам, вся территория («земля») считалась принадлежащей эфталитам, но они еще не принимали участия в сражениях с Ираном.

Эфталиты

Итак, в сообщении армянского историка о событиях 450 г. названа «страна эфталитов». Егише Вардапет сообщает, что в 453—454 гг. Йездигерд II вновь решил напасть на царя кушан,

¹⁷ Marquart J., 1901, S. 50—52.

¹⁸ Тревер К. В., 1954, стр. 136 (разрядка моя.— Б. Г.).

¹⁹ Там же, стр. 136—137.

но тот своевременно узнал об этом и нанес персам сильное поражение; ряд областей Ирана подвергся разгрому и опустошению²⁰.

Е. Е. Неразик, исходя из текста, высказала мнение, с которым можно согласиться, что этот поход был направлен в более восточные области, чем прежде, и что, возможно, столкновение произошло не с хионитами, а уже с эфталитами²¹. Можно полагать, что это было первое военное столкновение сасанидского Ирана с эфталитами, и уже в нем Сасаниды должны были почувствовать, что надвигается новый, притом очень сильный противник. Но это было лишь начало.

Новая конфедерация в 50-е годы V в. настолько укрепилась, что посылает посольства; в Китай прибывает в 456 г. первое посольство от эфталитов²². В свете укрепления эфталитской конфедерации становится более ясным, что нажим, оказанный «гуннами-кидаритами» в конце 50-х—60-х годов V в., также не был случаен.

Борьба с эфталитами достигла наивысшей точки при Перозе (459—484 гг.). Из сообщений арабских авторов вытекает, что Пероз пришел к власти, опираясь на поддержку населения «Тохаристана и прилегающих областей». Он «усилил мощь эфталитов, в благодарность за помощь обязался не нарушать их границ». Но, как сообщает Табари, «затем Пероз выступил в поход против народа, овладевшего Тохаристаном и называвшегося эфталитами». Пероз с войском дошел до башни, построенной на границе еще Бахрам Гуром. Далее Табари рассказывает едва ли не сказочную историю о том, как Пероз пытался скрыть нарушение клятвы, данной им царю эфталитов Ахшунвару, соблюдать границу. Дойдя до башни, «Фирус (Пероз) приказал привязать к ней 50 слонов и 300 людей; башню тащили перед ним, а он шел за ней следом, полагая, что таким образом он не нарушает договора, заключенного с Ахшунваром». В сражении с эфталитами Пероз и значительная часть войска попали в ямы-ловушки и были убиты. Эфталиты овладели всем Хорасаном²³. Динавери называет царя «тюрков», т. е. эфталитов, Ахшунваном. Он, как и Табари, рассказывает об устройстве глубокого рва, тщательно замаскированного. В ловушку попал сам царь и люди из его войска; они, как говорит историк, «канули в темную ночь». В этой яме он был убит камнями, а весь его лагерь вместе с его дочерью, жрецом-мобедом, женщинами и имуществом попал в руки эфталитов²⁴. Об этом рве, наполненном водой, сообщает и византийский источник (Прокопий Кесарийский, 1, 4),

²⁰ *Египше Варданет*, 1853, стр. 256—257.

²¹ ИТН, I, стр. 410.

²² *Enoki K.*, 1955 г., p. 234.

²³ *Шмидт А. Э.*, 1958; стр. 448—449; *Nöldeke Th.*, 1879, S. 115—132.

Эти события известны в освещении не только арабских, но и сирийских, византийских и армянских источников. Отметим несколько моментов. Пероз трижды воевал с эфталитами. Первая война закончилась тем, что он попал в плен к эфталитам. Его выкупил из плена византийский император. Через некоторое время Пероз снова начинает войну и вновь попадает в плен. Именно тогда он, очевидно, дал обещание не переступать границу эфталитов и должен был уплатить им громадную контрибуцию: 30 мулов, нагруженных монетами. Находясь еще в плену, он приказал доставить эти сокровища эфталитам, но истинная казна смогла дать лишь часть. Пероз все же освободился, оставив заложником сына. Поводом для третьей войны, если верить сообщению Приска Панийского (I, 27), явился обман Перозом эфталитов. Он предложил «гуннам» заключить мир и в качестве залога своих мирных намерений отправил «гуннскому» правителю в жены женщину, именуя ее своей сестрой. Прибывшая к «гуннам» женщина раскрыла обман — она была не сестрой Пероза, а его рабыней. Оскорбленный «гуннский» правитель Кунха, ссылаясь на то, что у него большое войско, но нет опытных военачальников, попросил прислать ему в качестве военных инструкторов персов. Когда они прибыли (Пероз послал 300 знатных персов), эфталиты часть из них изуродовали, часть убили²⁵. Возобновилась война — третья война, приведшая к бесславному концу Пероза²⁶.

Страшный разгром произвел на население Ирана удручающее впечатление. По словам источника, в Иране «в мирное да-

²⁴ *Altheim R.*, 1960, S. 51—52; у арабо- и персоязычных авторов имя этого царя приводится в форме Хушнаваз (Фирдоуси) или Ахшунвар (Табари) (*Marquart J.*, 1901, S. 60; *Лившиц В. А.*, 1969, стр. 67). Это имя этимологизируют как иранское *axsondar («обладающий властью») или *axsonwar («носитель власти») (*Maenchen-Helfen O. J.*, 1959, p. 230). Возможно, это не имя, а титул.

²⁵ Об этих событиях см.: *Пигулевская Н. В.*, 1941, стр. 56—59. Приск Панийский называет Кунха царем гуннов-кидаритов. В одной из рукописей имя царя пишется как Гунхаз (*Altheim F.*, 1959, I. S. 32). Возможны различные толкования этого источника. Не исключено, что это сообщение Приска Панийского относится, собственно, к кидаритам, которые параллельно с эфталитами вели наступление на Иран. В 468 г. из Византии было получено сообщение, доставленное персидским посольством, что «персы одержали победу над гуннами-кидаритами и осаждают город их Валаам» (*Приск Панийский*, 35). Следует полагать, что Валаам — кочевническая ставка где-то в районе Юго-Западной Туркмении. Возможно, однако, и другое толкование: Приск Панийский называл всех среднеазиатских гуннов «кидаритами», Валаам — Балхом, в его рассказах о кидаритах переплетались сообщения о разных среднеазиатских кочевниках.

²⁶ Феофан Византиец пишет: «После того как царь эфталитов Эфгала, от которого и народ получил имя, победил Пероза, персы потеряли эти места» (русский перевод всего текста см.: «Византийские историки», 1860, стр. 493). Не исключено, что сообщенное Феофаном имя — плод народной этимологии.

же время никто не мог мужественно и без страха смотреть на эфталита или даже слышать о нем без ужаса».

Более того, один знатный перс так характеризовал обстановку в Иране после разгрома эфталитами Пероза: «...Пероз отдал в служение эфталитам [наше] столь большое и независимое государство и [сделал это] в такой мере, что пока будет существовать страна ариев (Иран.— *Б. Г.*), она не в силах будет освободиться от столь горестного служения»²⁷.

В среднеперсидском «Бахман-Яште» есть отрывок, навеянный, в частности, событиями 80-х годов IV в.: «Таким образом, эти люди, потомки Ярости, убивали сотни, тысячи, десятки тысяч раз. Ворвались знамена и штандарты бесчисленной армии этих демонов со всклокоченными волосами. Они вошли в созданные Ормуздом земли моего Ирана, их отряды вошли широким фронтом — враждебные тюрки и красные хионы, знамена которых были приспущены»²⁸.

Сасанидский Иран, перед которым не раз склоняли свою голову гордые римские императоры, в конце V в. сам трепетал от страха перед грозными среднеазиатскими кочевниками — эфталитами и платил им дань²⁹.

Мы уже упоминали о захвате эфталитами Согда (между 467—470 и 480 гг.). Затем они начали подчинение владений Восточного Туркестана. Район Турфана они подчинили в 479 г., Урумчи — в 490—497 гг., Карашара — между 497 и 507 гг.³⁰ О силе и престиже эфталитов в Восточном Туркестане свидетельствует такой факт. В 522 г. жуан-жуанский правитель одного района в области Хара-Хото восстал против китайцев и убежал к эфталитам просить их помощи против своих врагов³¹. Если учесть, что Хотан и Кашгар также вошли (вероятно, в конце V в.) в состав Эфталитского государства, то можно считать, что в начале VI в. они владели всем Восточным Туркестаном.

Китайские хроники перечисляют владения, которые были включены в состав Эфталитского государства. Сопоставление этих сообщений с более поздними арабо-персидскими источниками позволяет заключить, что в их государство вошла основная часть Средней Азии, причем создается впечатление (это отметил еще И. Маркварт), что важнейшей частью их владений был Тохаристан. Эфталиты, кроме того, провели ряд завоеваний на юге. Ими была захвачена во второй половине V в. Гандхара³², позже — некоторые территории в Северной Индии.

²⁷ *Тревер К. В.*, 1954, стр. 138.

²⁸ Следую переводу Г. Бэйли: *Bailey H. W.*, 1954, S. 13—14.

²⁹ Судя по нумизматическим данным (*Массон В. М., Ромодин В. А.*, 1964, стр. 204).

³⁰ *Enoki K.*, 1955 в, р. 235.

³¹ *Enoki K.*, 1959, р. 25—26.

³² По К. Еноки, это произошло между 477 и 520 гг. (*Enoki K.*, 1959, р. 27), но скорее всего в начале этого промежутка времен.

Индийский раздел истории эфталитов, увы, столь же далек от ясности, как и среднеазиатский. В индийских источниках эфталиты носят название «хуна» (huna). Есть данные, что последний великий правитель индийской династии Гупта Скандагупта (по некоторым источникам правил примерно в 435—467 гг.³³, по другим с 455—456 приблизительно до 470 г.³⁴) вынужден был обороняться против них и сумел нанести им поражение³⁵. Можно думать, что это были первые набеги эфталитов, уже захвативших к тому времени Гандхару.

Для последующего времени мы располагаем данными разных источников, в том числе индийских хроник и надписей, сообщениями китайских и иных путешественников, которые содержат весьма противоречивые сведения; соответственно появилось много вариантов их истолкования, предложенных различными учеными. В самом конце V — первом десятилетии VI в. во главе индийских гуннов стоял Торамана, который в одной индийской надписи называется «знаменитый Торамана, безмерно прославленный правитель земли». Его преемником стал его сын Михиракула, о котором много позже Сюань-цзан писал, что он правил всей Индией и «подчинил себе все соседние провинции без исключения». По-видимому, при Михиракуле владения эфталитов в Северной Индии действительно были максимальными. Однако многие предпринятые им шаги, особенно преследование буддизма, восстановили против него индийское население. Он потерпел поражение в войне с гуптским правителем Яшодхарманом, но затем захватил власть в Кашмире.

Основная часть Северной Индии к середине VI в. освободилась из-под власти «хуна» — эфталитов. Причина этого — и в этом отношении абсолютно прав индийский ученый Р. Маджумдар — кроется не в поражениях, которые понесли предводители индийских «хуна», а в том сокрушительном разгроме среднеазиатских эфталитов, который они потерпели в начале 60-х годов VI в.³⁶ В результате этого разгрома индийские эфталиты лишились среднеазиатского тыла, притока свежих сил и поддержки, что и привело к их падению — еще один пример тесной взаимосвязи истории Индии и Средней Азии. И хотя в Индии существование эфталитских общин и даже маленьких княжеств известно еще длительное время, «хуна» — эфталиты больше уже не играли серьезной роли в индийской истории³⁷.

³³ Синха Н. К., Банерджи А. Ч., 1954, стр. 89.

³⁴ «The Yakatako-Gupta age», 1954, p. 161, 169; 'Majumdar R. C, 1954, p. 25, 28.

³⁵ «The Yakataka-Gupta age», 1954, p. 163-164; Majumdar R. C, 1954, p. 26.

³⁶ Majumdar R. C, 1954, p. 39.

³⁷ «The Yakataka-Gupta age», 1954, p. 174—185; Majumdar R. C, 1954, p. 26; McGovern W. M., 1939, p. 414—417.

В изложении политических событий практически не был использован нумизматический материал, и сделано это было совершенно сознательно. Наиболее детальной публикацией монет кидаритско-эфталитского круга является четырехтомный труд Р. Гёбля «Документы к истории иранских гуннов в Бактрии и Индии»³⁸. Превосходно документированная, эта книга закладывает основы научного изучения эфталитской нумизматики. Весь огромный материал (впрочем, советские музейные собрания не были использованы) Р. Гёбль разбил на 297 эмиссий — выпусков. Им была также изменена вся схема членения эфталитского чекана. По-иному, чем прежде, читаются многие мо-

Эфталитская монета

нетные легенды, делают весьма ответственные исторические выводы. Отдавая должное большой и кропотливой работе автора, которому, однако, осталась неизвестной основная часть советской историко-нумизматической литературы, мы воздержимся пока от использования его общеисторических выводов, ибо они в значительной мере покоятся на его чтениях, во многом спорных и подлежащих проверке лингвистами-иранистами. К сожалению, и после появления труда Р. Гёбля (как и предшествующей монографии Р. Гиришмана и др.) проблема использования эфталитских монет как полноценного исторического источника остается нерешенной; это дело будущего.

Таким образом, эфталиты создали громадное государственное образование, по своим размерам даже превзошедшее Кушанское, но вместе с тем еще более рыхлое и непрочное. Тем не менее эфталиты сыграли важную роль в истории Средней Азии и многих стран Востока. Именно им удалось не только остановить на Востоке армии сасанидского Ирана, но и нанести сокрушительные поражения сасанидским царям. Штандарты эфталитских отрядов развевались на равнинах Ирана; эфталитские правители решали вопрос, быть или не быть тем или иным

претендентам шаханшахами Ирана, а регулярная выплата им дани была главной заботой многих иранских правительств.

Подняли голову порабоженные Сасанидами народы Закавказья. Они усилили борьбу против сасанидского гнета. В 483—484 гг. в Иберии, Армении и Кавказской Албании разгорается пламя восстания против Сасанидов. Восставшие воспользовались поражениями Пероза, которые он потерпел от эфталитов, ослаблением сасанидского могущества³⁹. Так борьба порабоженных народов Закавказья переплеталась с наступлением среднеазиатского народа — эфталитов. Наконец, эфталиты сыграли важную роль в этногенезе Индии, Афганистана и особенно Средней Азии.

2. ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ. КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Проблема происхождения хионитов и эфталитов

Сирийский писатель начала VI в. Иешу Стилит пишет так: «Хиониты, которые суть гунны»⁴⁰. Однако было бы неверно безоговорочно следовать этому утверждению. Для западных авторов того времени все среднеазиатские кочевники были «гуннами», или «белыми гуннами», вне зависимости от их подлинного названия.

Некоторые современные исследователи сопоставили хионитов с упоминаемыми в «Авесте» «хийаона»⁴¹. Они враги зороастрийцев, враги праведного царя Виштаспы, патрона Зороастра. Судя по текстам «Авесты», они были «плохими» и «неверными» и, по-видимому, могли относиться к числу кочевников. Ф. Альтхайм даже сопоставил одно выражение «Авесты» «с приостренным шлемом и острым щитом» («Яшт» XIX, 30), примененное в не совсем ясном контексте, с саками-тиграхауда, этноним которых также этимологизируется «острошапочные», и сделал отсюда заключение: «Хийаона появляются, следовательно, вместе с одним сакским пленем между Оксом и Яксартом»⁴². Этот вопрос послужил предметом детального рассмотрения известного ираниста Г. Бэйли⁴³, который развивает мысль, что это были реально племена, сохранившие имя, встречающееся еще в «Авесте». Правда, Г. Бэйли вполне осознает всю слож-

³⁹ Дьяконов М. М., 1961, стр. 277.

⁴⁰ Marquart /., 1901, S. 58; Пугулевская Н. В., 1941, стр. 36.

⁴¹ Marquart /., 1901, S. 50; Herzfeld E., 1930, p. 19.

⁴² Altheim F., 1959, I, S. 52—53.

⁴³ Его первоначальные взгляды по этому вопросу см.: Bailey H. W., 1932, p. 946.

ность проблемы. Этот ученый считает, что первоначально («во времена Виштаспы») они находились в области Оксуса. Но что случилось с ними затем, откочевали ли они на северо-восток, а позже вновь вернулись на юг или остались на месте и т. д., как они соотносились с «хунами», не сохранили ли самые «хуны» в своем собственном наименовании старое название «хийаона» — на все это Г. Бэйли не видит ответа⁴⁴.

Действительно, при современном уровне знаний мы не можем ни ответить на эти частные вопросы, ни прийти к какому-либо строго обоснованному ответу относительно проблемы соотношения термина «хийаона» с историческими хионитами. Дело в том, что если следовать идее, столь четко выраженной Г. Бэйли, то придется признать, что какая-то очень могущественная конфедерация племен — врагов зороастрийцев, упомянутых в «Яштах», затем совершенно исчезла из поля зрения исторических источников. Как пишет Менчен-Хелфен, «где они скрывались все это время, остается тайной»; гипотеза об откочевке на северо-восток — «абсолютно невероятна», и, говоря словами Моргенштерне, «они, собственно, и не существовали»⁴⁵.

Итак, два взаимоисключающих взгляда. Существовали ли на самом деле во «времена Виштаспы» в VI в. до н. э. племена «хийаона»? Убедительные соображения по этому вопросу высказал Маркварт. Еще в начале XX в., характеризуя жестокие поражения, нанесенные хионитами и эфталитами сасанидскому Ирану, он писал: «Впечатление, которое должен был произвести этот народ на иранцев, было столь сильное, что даже их имя проникло в «Авесту» и там полностью вытеснило первоначальное название врагов Кави Виштаспы, покровителя Заратустры»⁴⁶. Эти соображения были приняты Э. Херцфельдом⁴⁷ и Р. Гиршманом⁴⁸.

Итак, как ни соблазнительно искать начало хионитов в предахеменидское, ахеменидское или послеахеменидское время (в зависимости от того, как датировать девятый «Яшт»), оснований для этого, по-видимому, нет. Скорее правы те ученые, которые настаивают на позднем характере этого имени в «Авеете». Но и в этом случае оно представляет интерес — уже не как свидетельство раннего происхождения, а как отражение политической ситуации значительно более позднего времени. Вместе с тем это еще раз показывает, как сложна проблема происхождения хионитов в целом.

⁴⁴ Bailey H. W., 1954, S. 20—21.

⁴⁵ Maenchen-Helfen O. J., 1959, p. 227—228. См. также сомнения Гиршмана: Ghirshman R., 1948, p. 116.

⁴⁶ Marquart J., 1901, S. 50.

⁴⁷ Herzfeld E., 1947, p. 771—774.

⁴⁸ Ghirshman R., 1948, p. 116.

Имя хионитского царя Грумбата может быть объяснено из иранского как «покровительствуемый Бахрамом»⁴⁹. Сын Грумбата описывается Аммианом Марцеллином как юноша, «ростом и красотой превосходивший сверстников» (Аммиан Марцеллин, 19, I, 7). Так как тот же автор называет внешность гуннов «безобразной», их вид — «чудовищным и страшным», мы можем присоединиться к мнению тех исследователей, которые считают, что «сказанное западным писателем о внешности этого юноши, представителя племени хионитов, что он был хорош собою, красив, едва ли могло быть выражено в таких словах, если бы он имел сходство с гуннами»⁵⁰,

Еще более существенно описание погребальных обрядов хионитов. По Аммиану Марцеллину (19, I, 10—11; 19, 2, 1), тело погибшего царевича «в воинском снаряжении было вынесено и помещено на обширном высоком помосте; вокруг было расставлено десять лож с изображениями умерших людей, которые были так хорошо исполнены, что совершенно походили на покойников. В течение десяти дней все люди пировали, разделившись на группы по палаткам и отрядам, и пели особенные погребальные песни, оплакивая царственного юношу. А женщины скорбным стенанием по своему обычаю оплакивали надежду народа...» Затем «труп был предан огню и кости собраны в серебряную урну, чтобы, согласно воле погибшего юноши, отвезти их для предания родной земле».

В литературе указано, что элементы аналогичного обряда выявлены при раскопках на городищах Канга-кала и Куня-Уаз в левобережном Хорезме. Здесь «вокруг выкладки с мощным кострищем располагались черепа и части скелетов. Рядом найдены обломки глиняного раскрашенного изображения человеческого лица (Канга-кала) и деталей человеческой фигуры (рука в натуральную величину, сделанная посредством наматывания пропитанной алебастром ткани на железный каркас, обнаружена в погребальной комнате Куня-Уаза)»⁵¹. Это, а также некоторые другие наблюдения позволили многим советским ученым считать вероятным, что родиной хионитов является Приаралье⁵²; эта гипотеза весьма вероятна. Но не следует забывать о наличии и в других областях Средней Азии отдельных элементов погребального обряда, сходных с хионитским. По сообщению китайских хроник, в Ши (Ташкентский оазис) есть здание, внутри которого находится возвышение. Ежегодно совершается погребальный обряд: на это возвышение ставят «...золотую урну

⁴⁹ Этимология выдвинута Ф. Андреасом (см.: *Ghirshman R.*, 1948, p. 117; *Maenchen-Helfen O. J.*, 1959, p. 230). Тюркские этимологии (*Altheim F. und Stiehl R.*, 1954, S. 277) не могут быть приняты.

⁵⁰ *Пигулевская Н. В.*, 1941, стр. 36.

⁵¹ *Рапопорт Ю. А.*, 1958, стр. 61.

⁵² ИТН, I, стр. 413—414.

с пеплом сожженных костей покойных родителей владетеля, потом обносят кругом престола, рассыпая пахучие цветы и разные плоды. Владетель с вельможами поставляет жертвенное мясо»⁵³.

В Фергане, на средней Сырдарье и в Приаралье в могилы клали алебастровые изображения-идолы⁵⁴.

Итак, хотя уверенно можно отказаться от точки зрения сирийского автора VI в. о тождестве хионитов с гуннами, пока нельзя в противовес ей выдвинуть законченную теорию происхождения хионитов. Можно утверждать лишь, что хиониты скорее всего были ираноязычными племенами среднеазиатского происхождения.

Сведений о происхождении и этническом положении эфталитов бесконечно больше, но это, увы, не облегчает положения, ибо сведения эти чрезвычайно противоречивы. Прокопий Кесарийский, который называл эфталитов «белыми гуннами», писал: «Хотя эфталиты народ гуннский и [так] называются, они, однако, не смешиваются и не общаются с теми гуннами, которых мы знаем, так как не имеют с ними пограничной области и не живут вблизи них..., они не кочевники, как прочие гуннские народы, но издавна обосновались на плодородной земле... Они одни из гуннов белы телом и не безобразны видом, не имеют и образа жизни, подобного им, и не живут какой-то звериной жизнью, как те, но управляются одним царем и имеют законную государственность, соблюдая между собой и соседями справедливость ничуть не хуже ромеев и персов»⁵⁵.

Таким образом, Прокопий Кесарийский четко отделяет эфталитов от гуннов. Он не только констатирует факт, что это различные народы, но и приводит развернутое обоснование этого. Разумеется, столь детальное и аргументированное мнение хорошо информированного источника никак нельзя недооценивать. Вместе с тем он ничего не говорит о происхождении эфталитов.

В китайских источниках содержится много версий происхождения эфталитов. Однако в них нет единогласия. Сведения китайских источников можно разбить на следующие группы: а) эфталиты — разновидность юэчжей; б) эфталиты — ветвь тюркских племен гаогюй; в) эфталиты происходят от племен чеши (Турфан); г) они наследники Кангюя. Один из древних китайских авторов, касаясь вопроса о происхождении эфталитов, заметил: «Информация, полученная из отдаленных стран и у [народов, говорящих на] иностранных языках, подвержена неправильному пониманию и искажению и к тому же касается со-

⁵³ Бичурин, II, стр. 272—282.

⁵⁴ О них см.: Давидович Е. А. и Литвинский Б. А., 1955, стр. 51—62; Левина Л. М., 1968.

⁵⁵ Другой византийский историк Агафий пишет кратко: «Эфталиты — народ гуннский» (*Приск Панийский*, 91—92, прим. 116).

были очень древних времен. Следовательно, мы не знаем, как точно было. [Этим путем] невозможно решить [вопрос] о происхождении эфталитов»⁵⁶. Современный японский ученый К. Эноки, детально и с полным знанием дела исследовавший все эти версии, вынужден был прийти к совершенно аналогичному выводу: китайские авторы не знали подлинного происхождения эфталитов, и их версии имеют «книжный», как правило, совершенно произвольный характер⁵⁷.

Базируясь главным образом на различных вариантах китайских версий, западноевропейские ученые выдвинули множество теорий об этнической принадлежности эфталитов. Некоторые рассматривают эфталитов как потомков юэчжей, по мнению других, они происходят от гуннов, принадлежат к числу древних тюрков или монголов. Есть теория об их ираноязычном происхождении. По мнению некоторых исследователей, это совсем иной народ, чем хиониты; другие доказывают их идентичность или же считают эфталитов «правлящим классом» хионитов⁵⁸.

Обратимся к имеющимся материалам. Лингвисты давно занимаются анализом всякого рода имен и терминов, связанных с эфталитами.

В различных источниках эфталиты помимо «белых гуннов» называются по-разному (что само по себе является причиной немаловажных затруднений). В сирийских источниках они именуются *абдел* и *эпталит*; в грекоязычных — *абдел* и *эфталит*; в армянских — *хептал*, *идал*, *метал*; в среднеперсидских — *эфтал* и *хефтал*; в арабских — *хайтал* и *йафтал*; в таджикско-персидских — *хетал* и *хайтал*; в китайских — *е-да*⁵⁹ (в древности звучало *iep-tat) и *е-диен* (в древности звучало **iep-t'ien*)⁶⁰. Следует, кроме того, добавить, что в пехлевийско-зороастрийских источниках они выступают иногда как *хионы*, в индийских — как *хуна*, арабские часто ошибочно их именуют тюрками, а древние армянские источники смешивают их с кушанами.

Ф. Альтхайм пытается вывести этот этноним из тюркского корня, означающего «делать», «совершать»⁶¹, и эта этимология, связанная с большими натяжками, кажется маловероятной. Предложено и другое объяснение — от иранского *халта* («семь»)⁶².

Уже в X в. Балами писал: «Название *hayatila* является мно-

⁵⁶ *Enoki K.*, 1959, p. 7.

⁵⁷ *Enoki K.*, 1959, p. 1 — 14; 1955, p. 232—235.

⁵⁸ *Ghirshman R.*, 1948, p. 10—21, 115; *Enoki K.*, 1959, p. 15—23; ИТН, I, стр. 415—416.

⁵⁹ *Altheim F. und Steihl R.*, 1953, S. 276; *Altheim F.*, 1959, I, S. 41—42.

⁶⁰ *Enoki K.*, 1959, p. 7.

⁶¹ *Altheim F.*, 1959, I, S. 44.

⁶² *Maenchen-Helfen O. J.*, 1959, p. 231.

жественным числом от *haital*, что на языке Бухары означает «сильный человек». На языке Бухары «сила» — *haital*, и это слово в арабском языке изменено в *haital*»⁶³. Действительно, в восточноиранском хотано-сакском языке близкое слово обозначает «храбрый, доблестный»⁶⁴.

Из надписей на эфталитских монетах по интересующему нас вопросу можно извлечь следующее. Самоназванием эфталитов являлось *хион* (на монетах OIONO), следовательно, эфталиты — одна из ветвей хионитов. Судя по монетам, официальным языком эфталитов в их тохаристанских владениях оставался бактрийский. В монетных легендах читаются бесспорно бактрийские титулы⁶⁵.

Следует также остановиться на делении эфталитов на две части. Этот вопрос в современной литературе наиболее тщательно и всесторонне исследовал Г. Бэйли. Отправной точкой для его рассуждений являются пехлевийские тексты. В «Джамаспнаме» (96) содержатся данные о сражении Ирана с «белыми хионами». Затем (104) приводится победная реляция: «Носители зла, Девы и Хионы, были уничтожены подобно тому, как зимой ветер уносит листья с деревьев»⁶⁶. В «Бахман-Яште» (II, 49) сообщается, наоборот, о поражениях Сасанидов: «Царство и верховная власть перешли к рабам, которые были не иранцами, а такими, как хион, турк, хафтал, тибетцы, горцы, китайцы, согдийцы, византийцы, красные хионы и белые хионы. Они стали царями в Иране, моей отчизне»⁶⁷. Итак, если в первом из вышеприведенных текстов говорилось лишь о *белых хионах*, то во втором встречаются просто *хионы* (стоящие рядом с тюрками), а также *красные хионы* (*кармир хион*) и *белые хионы* (*спет хион*). Название *красные хионы*, согласно комментатору «Бахман-Яшта», обязано им красным головным уборам, красным доспехам и красным знаменам. В индийских источниках также имеются упоминания *красных* (или *темных*) *хуна* и *белых хуна* (напомним, что *хуна* индийских источников — это эфталиты). Наконец, в поэме VII в. на хотано-сакском языке имеется упоминание о каком-то народе, название которого расшифровывается как *красношапочные*. Г. Бэйли идентифицирует его с *красными хионами*. В этой связи необходимо привлечь и данные западных источников, которые очень часто упоминают о *белых гуннах* (см., например, Прокопий Кесарийский, I, 3). Вместе с тем у византийских авторов фигурируют и какие-то

⁶³ Балами, р. 128.

⁶⁴ Лившиц В. А., 1969, стр. 67, прим. 103.

⁶⁵ Ghirshman R., 1948; Henning W. B., 1960, p. 51; Лившиц В. А., 1969, стр. 67—71.

⁶⁶ Bailey I. W., 1931, p. 585—586.

⁶⁷ Bailey H. W., 1932, p. 945—946.

кермихион. Как показал Г. Бэйли, это тот же народ, который в пехлевийских источниках называется *кармир хион*⁶⁸.

Мы почти ничего реально не знаем об этих двух группах эфталитов: были ли они различными племенами, входившими в общую конфедерацию, или же это какие-то этно-антропологические разновидности внутри единого племенного массива. Показательно вместе с тем, что в недавно открытой на Афрасиабе (в Самарканде) настенной росписи, где изображено прибытие посольства, имеются фигуры двух послов, отличающихся прежде всего цветом кожи («краснолицый» и «белолицый»). По мнению В. А. Лившица, есть основания сопоставлять эти изображения с «красными хионами» и «белыми хионами»⁶⁹.

Эфталитская письменность — непосредственное продолжение кушанской (бактрийской), причем она отличается от кушанской более развитой курсивностью. Именно об эфталитской письменности Сюань-цзан писал: «Их язык несколько отличается от языков других стран. Количество основных букв у них — двадцать пять, комбинируя их, они выражают все понятия. Их письмо — поперек страницы, они читают слева направо. Их литературные произведения постепенно увеличиваются и превзошли количество их у народа Су-ли (Согда)»⁷⁰.

Практически же, однако, этих «литературных произведений» сохранилось очень немного. Эфталитскими, в частности, являются фрагменты рукописей из Восточного Туркестана⁷¹. Некоторые из них относятся, по-видимому, к VII—VIII вв., но связанный текст пока прочесть не удастся. Одни лингвисты считают их по языку сакскими, другие — бактрийскими.

В Северо-Западном Пакистане, в долине р. Точи, найдены три вырезанные на камнях надписи: на одном камне арабский и санскритский тексты, на втором — бактрийский и санскритский тексты, на третьем, состоящем из двух кусков, — бактрийский текст и две строчки арабского. Бактрийские надписи выполнены курсивным письмом. Предложен вариант их транслитерации и перевода⁷². Опубликованный перевод этих надписей весьма проблематичен, это лишь попытка. Датировка же их очень поздняя — это, по-видимому, IX в. н. э.

⁶⁸ Bailey H. W., 1954, p. 13—20. Пишущий о «кермихион» Феофан Византийский (отрывок 2), собственно, сообщает, что на восток от Танаиса находятся тюрки, которые в древности назывались массагетами; на языке персов имя этих тюрков — кермихион. Э. Шаванн, детально разобравший этот и другие византийские источники, полагал, что речь идет о жуан-жуанх (Chavannes E., 1903, p. 229—233). Эта гипотеза сейчас не может быть принята.

⁶⁹ Лившиц В. А., 1965 а, стр. 6.

⁷⁰ Beal S., 1906, I, p. 38; Pelliot P., 1934, p. 50.

⁷¹ Hansen O., 1951; Gershevitch J., 1967; Лившиц В. А., 1967, стр. 163.

⁷² Dani A. H., Humbach H., Göbl R., 1964, p. 125—135.

В Средней Азии к числу памятников эфталитского письма! относится надпись на черепке из Занг-тепе, где сохранилась лишь часть шести строк⁷³, надписи-граффити из Кара-тепе, а также две строки курсивного бактрийского письма, обнаруженные на Афрасиабе, являющиеся, как следует из находящейся рядом согдийской надписи, образцом официальной письменности эфталитов⁷⁴; плохо сохранившаяся надпись на настенной живописи в колхозабадском городище Кафыр-кала.

Во многом остается спорным чтение надписей на эфталитских монетах и геммах. Интерпретация этого материала обычно возможна с помощью иранских этимологии и указывает на то, что язык был восточноиранским⁷⁵. Учитывая это, сторонники гуннско-тюркского происхождения эфталитов - в настоящее время объясняют наличие безусловно иранских слов тем, что в язык эфталитов, первоначально тюркский (или монгольский), проникли элементы языка подчиненного ими иранского населения. Такой точки зрения придерживаются из современных ученых, например, Ф. Альтхайм и Э. Пуллейблэнк⁷⁶. Допускают различные толкования и имеющиеся в китайских источниках краткие упоминания о языке эфталитов.

Практически нет серьезных оснований считать язык эфталитов тюркским (или монгольским); он почти несомненно был восточноиранским. Однако лишь дальнейшие находки его памятников, углубленная работа лингвистов позволят ответить на связанные с ним основные вопросы, все еще остающиеся неясными, дать характеристику памятников эфталитской письменности и определить их взаимоотношения с языком народности эфталитов.

Необходимо также остановиться на вопросе о месте сложения эфталитов. Откуда происходит этот загадочный народ, сыгравший столь важную роль в истории Средней Азии, Ирана, Афганистана, Индии и Восточного Туркестана? И здесь гораздо больше теорий, чем строго документированных фактов. Следуя то одной, то другой версии китайских источников, исследователи помещают место происхождения эфталитов то на Алтай, то в Восточный Туркестан и т. д.

Оригинальной является теория о происхождении эфталитов из Бадахшана. Еще в 1951 г. А. Н. Бернштам, говоря об этногенезе и сложении государственности у эфталитов, указал на

⁷³ Лившиц В. А., 1969, стр. 73—74.

⁷⁴ Лившиц В. А., 1967, стр. 164. На Афрасиабе обнаружено еще несколько эфталитских надписей.

⁷⁵ Bailey H. W., 1937, p. 892—893 (титулатура монетных легенд — иранская); Enoki K., 1959, p. 39—45; Ghirshman R., 1948, p. 67, 117—118; Maenchen-Helfen O. J., 1959, p. 227—231.

⁷⁶ Altheim F., 1959, I, S. 41—54; Pulleyblank E. G., 1962, p. 259—260.

два центра: средняя и нижняя Сырдарья, с одной стороны, верхний бассейн Амударья,— с другой⁷⁷.

В 1955—1959 гг. идея А. Н. Бернштама получила развернутое обоснование в трудах японского ученого К. Еноки, который не только подверг критическому пересмотру всю совокупность имеющихся материалов, но и привел новые данные из китайских источников. Выводы К. Еноки сводились к следующему: а) первоначальная родина эфталитов находилась близ восточной окраины Бадахшана; б) их культура содержала некоторые иранские элементы⁷⁸. Аналогичную идею о происхождении эфталитов из Бадахшана развивает Л. Н. Гумилев⁷⁹, не прибавивший новых аргументов к концепции К. Еноки. Следует добавить, что эта гипотеза в конечном счете также восходит к китайским источникам, точнее к традиции, которую сохранил Сюань-цзан в рассказе о бадахшанской стране Гимотало (санскритизированная форма слова «эфталит» или какого-либо его варианта), царь которой завоевал многие страны⁸⁰. Однако эта традиция, как подметила Е. Е. Неразик, может восходить еще к традиции об юэчжийских завоеваниях, и тогда, следовательно, на нее нельзя опираться как на доказательство распространения власти эфталитов из Бадахшана. Е. Е. Неразик указала и на другие слабые места построений К. Еноки⁸¹, и с ее критическими замечаниями можно согласиться. Этим отнюдь не умаляется значение работы К. Еноки, особенно в источниковедческом плане. Для утверждения бадахшанской гипотезы требуются еще дополнительные факты⁸², возможно их принесет археология⁸³.

В русской дореволюционной литературе К. И. Иностранцев обращал внимание на сходство каменных склепов — мугхана с могильными сооружениями, которые, по письменным источникам, были у эфталитов⁸⁴. Б. А. Литвинский, изучая мугхана и другие типы могильных сооружений, в частности подкурганные захоронения в деревянных гробах (по китайским источникам, они также были распространены у эфталитов), а также рассматривая некоторые другие факты, пришел к выводу, что в сложении эфталитских племен существенную роль сыграли племена предгорных районов Ферганы, у которых как раз распространены эти виды захоронений.

В советской исторической литературе бытует еще одна точ-

⁷⁷ Бернштам А. Н., 1951, стр. 197.

⁷⁸ Еноки К., 1955, 1959 а.

⁷⁹ Гумилев Л. И., 1959.

⁸⁰ Еноки К., 1959, р. 35.

⁸¹ ИТН, I, стр. 553—554.

⁸² Ср. Гумилев Л. И., 1967 б.

⁸³ Бабаев А. Д., 1965, стр. 16—18.

⁸⁴ Иностранцев К. И., 1909, стр. 116—120.

ка зрения относительно происхождения эфталитов. С. П. Толстов считает, что эфталиты — выходцы из Приаралья. В последнем изложении этой теории он писал: «Надо полагать, что в IV—V вв. дельты Амударьи и Сырдарьи были центром «варварского государства» хионитов-эфталитов, сложившегося на древнем сакско-массагетском субстрате, с отмеченной уже нами сильной примесью восточных гунно-тюркских элементов»⁸⁵. Как показывают приведенные выше фактические данные, Приаралье никогда не являлось, вопреки утверждению С. П. Толстова, центром государства хионитов или эфталитов. Данные б пользу приаральского происхождения эфталитов также весьма немногочисленны.

Критическое рассмотрение существующих гипотез заставляет нас отнестись с большим сомнением к возможности в данный момент даже не окончательно, а хотя бы со значительной долей вероятности решать вопрос о месте сложения эфталитов. Что же касается их этнической принадлежности, здесь картина более ясна: эфталиты сложились на базе* каких-то среднеазиатских, восточноиранских по языку племен с определенной примесью тюркских этнических элементов.

Эфталитское общество

Прокопий Кесарийский писал про «белых гуннов» — эфталитов, что они «издавна» живут оседлой жизнью, «управляются одним царем» и «имеют законную государственность». Менандр сохранил сообщение тюркского посольства, что эфталиты — «городское племя»; по его словам, тюрки, победившие эфталитов, стали «господами их городов» (Менандр, фр. 18)⁸⁶. Феофан Византиец (фр. 3) говорит, что после победы над персами эфталиты стали господами тех городов и гаваней, которыми раньше владели персы. Но китайские хроники сообщают совсем другое. Е-да — эфталиты «городов не имеют, а живут в местах, привольных травой и водою, в войлочных кибитках». Путешественник Сон Ю пишет, что у е-да — эфталитов нет укрепленных городов, они живут кочевой жизнью⁸⁷. Оба эти противоречащие друг другу сообщения объединены в рассказе Сюаньцзана о Гимотало. Жители этой области, т. е. эфталиты, жили в шатрах из шкур и кочевали. Вместе с тем сообщается, что в прошлом они завоевали много стран, где «управляли множеством сильно укрепленных городов и поселений»⁸⁸. Таким обра-

⁸⁵ Толстой С. П., 1962, стр. 244.

⁸⁶ Перевод всего фрагмента см.: «Византийские историки», 1860, стр. 374; Бичурин, II, стр. 268.

⁸⁷ Beat S., 1906, p. XC—XCI; Enoki K., 1959, p. 50.

⁸⁸ Enoki K., 1959, p. 35.

Серебряная чаша из Чилека

зом, не исключено, что западные авторы воспринимали эфталитов как городское население, так как они владели городами, а на позднем этапе эфталитская знать, видимо, селилась в городах.

В обществе эфталитов существовала четко выраженная имущественная дифференциация. Об этом мы узнаем, в частности, из описания их похоронных обрядов. Наряду с захоронениями в деревянных гробах, о которых сообщает Лян-шу⁸⁹, хроники Бэй-ши (и Вэй-шу) рассказывают следующее: «Умерших из богатых домов погребают в каменных склепах, а бедных зарывают в выкопанных могилах»⁹⁰. Знать носила богатые одежды. Сон Юн, описав одежду арстократок, замечает: «Характер одежды у бедняков и богатых различен»⁹¹. Наказания за имущественные преступления были необычайно строги: «За кражу, без определения количества, положено отсечение головы; за украденное взыскивают в десять крат»⁹². Из вышепри-

⁸⁹ Там же, р. 49.

⁹⁰ Бичурин, II, стр. 269.

⁹¹ *Beal S.*, 1906, р. ХСII

⁹² Бичурин, II, стр. 269.

веденных данных можно сделать один вывод: эфталитское общество было классовым, с развитой имущественной дифференциацией. У эфталитов сложилась уже своя государственность. Армия эфталитов была очень сильна. Они были вооружены палицами⁹³, китайцы считали их хорошими стрелками из лука, более поздние авторы полагали, что их главное оружие — меч⁹⁴;

Характер боевых действий, которые вели эфталиты, заставляет думать, что они имели по преимуществу конное войско. В этом вопросе мы согласны с Ф. Альтхаймом⁹⁵ и полностью расходимся с Л. Н. Гумилевым⁹⁶.

У эфталитов была распространена полиандрия (многожество): «братья имеют одну жену; жена мужа, не имеющего братьев, т. е. одномужняя, носит шляпу с одним углом; многожество же умножает число углов по числу братьев; на одеянии нашивает такое же число кистей»⁹⁷. Об этом обычае, сочетавшемся с полигамией (многоженством) у правителей, сообщают разные китайские источники⁹⁸. Полиандрия — пережиток группового брака — сохранилась до наших дней на Тибете и в некоторых прилегающих областях».

Источники сообщают, что сами эфталиты не придерживались буддийской религии, а почитали своих богов, в частности бога огня. Каждое утро они выходили из своих шатров и молились богам. Возможно, они почитали солнце¹⁰⁰. Постепенно, однако, в эфталитскую среду стали проникать верования подчиненного ими населения, в частности буддизм. Есть также сведения о распространении среди эфталитов христианства.

Движение Маздака

В Иране на рубеже V—VI вв. в царствование Кубада (488—531 гг.) происходит крупное выступление народных масс против складывавшихся феодальных отношений¹⁰¹. Этим движением руководил человек, вошедший в историю под именем Маз-

⁹³ Пигулевская И. В., 1941, стр. 64; *Altheim F.*, 1960, II, S. 17—18.

⁹⁴ ИТН, I, стр. 419.

⁹⁵ *Altheim P.*, 1960, II, S. 269.

⁹⁶ Гумилев Л. Н., 1967 б, стр. 94.

⁹⁷ Бичурин, II, стр. 268.

⁹⁸ *Miller R. A.*, 1959, p. 12.

⁹⁹ *Ghirshman R.*, 1948, p. 125—128; *Enoki K.*, 1959, p. 51—56.

¹⁰⁰ Источники: *Enoki K.*, 1959, p. 45—49. См. также: *Ghirshman R.*, 1948, p. 120—124.

¹⁰¹ Наиболее детальное источниковедческое исследование: *Christensen A.*, 1925. Скрупулезное исследование источников и пересмотр сложившихся точек зрения содержится в превосходной книге чехословацкого востоковеда О. Клима (*Klima O.*, 1957) с подробными указаниями на литературу. Из советских исследований наиболее важны работы Пигулевской Н. В. (1948; 1956). Ценный краткий очерк: *Дьяконов М. М.*, 1961, стр. 303—309, 410—412.